

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. К. ШАУМЯН

О СУЩНОСТИ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1. Постановка вопроса

Структурная лингвистика — это теория языка, основные принципы которой сформулировал французский ученый Ф. де Соссюр (1857—1913) в своем «Курсе общей лингвистики», появившемся в 1916 г.¹ Ф. де Соссюр показал, что специфику языка составляют не звуки и значения сами по себе, а отношения между звуками и значениями. Сеть отношений между звуками и значениями представляет собой систему, или, иначе, — структуру языка, и именно эта сеть отношений должна быть самостоятельным и притом главным предметом науки о языке.

Понятие отношения, производящее глубокий переворот в традиционных взглядах на природу языка, не сразу оказало влияние на языковедение. Понятие отношения получило ясность, отчетливость и силу после того, как Н. С. Трубецкой (1890—1938) применил его к изучению звуковой стороны языка и, в корне переработав учение о фонеме И. А. Бодуэна де Куртене (1845—1929), возникшее в конце XIX в., создал фонологию — теорию звуков языка как элементов соотношений (иначе — реляционных элементов). После Н. С. Трубецкого стало очевидным, что понятие отношения, введенное Ф. де Соссюром, составляет краеугольный камень совершенно новой лингвистической теории, представляющей собой громадный шаг вперед в науке о языке, и что поэтому опыт фонологии должен быть распространен на изучение остальных сторон языка. Эту теорию, имеющую своим предметом структуру языка, понимаемую как сеть отношений между звуками и значениями, стали называть структурной лингвистикой.

Бурное развитие структурной лингвистики началось с 1929 г., когда Пражский лингвистический кружок, возглавляемый Н. С. Трубецким, выпустил в свет первый том своих трудов. Благодаря деятельности Пражского лингвистического кружка структурная лингвистика получила мировое признание и стала разрабатываться повсеместно. Вторым главным центром разработки структурной лингвистики стал Копенгагенский лингвистический кружок, который начал издавать свой бюллетень в 1935 г. В 1939 г. по инициативе Пражского и Копенгагенского лингвистических кружков был основан журнал «Acta linguistica», ставший международным органом структурализма — научного направления в языкознании, занимающегося разработкой проблем структурной лингвистики. В США к структурализму примкнули представители так называемой

¹ F. de Saussure, Cours de linguistique générale, Lausanne — Paris, 1916 (русский перевод: Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933).

дескриптивной (описательной) лингвистики, основанной американским ученым Л. Блумфилдом (1887—1949).

В структурной лингвистике следует различать три школы: пражскую, копенгагенскую и американскую. Взгляды пражской школы изложены в систематическом виде только в области фонологии — в работе П. С. Трубецкого «Основы фонологии»¹. Систематическое изложение взглядов копенгагенской школы находим в работе главы этой школы Л. Ельмслева «Основы теории языка»². Взгляды американской школы изложены в систематическом виде в работе З. Харриса «Методы структурной лингвистики»³.

Только что названные школы структурной лингвистики вовсе не являются антагонистическими, как может показаться на первый взгляд. Они не только не исключают, а напротив, дополняют друг друга. Эти школы занимаются, в сущности, разными аспектами структурной лингвистики, которые, вместе взятые, составляют единое целое. Ввиду этого обстоятельства в настоящей статье будут рассмотрены фундаментальные черты структурной лингвистики именно как целостной и последовательной теории языка. Прежде всего будет рассмотрен предмет структурной лингвистики, затем ее метод и, наконец, будет выяснено взаимное отношение школ структурной лингвистики и показано, каким образом они дополняют друг друга и вносят каждая свой вклад в структурную лингвистику.

Структурная лингвистика рассматривается здесь только под чисто лингвистическим углом зрения, как специальная теория языка. Подобно другим научным теориям в разных областях человеческого знания, производящим революцию в нашем понимании определенных сторон действительности, структурная лингвистика имеет первостепенное философское значение. Философские вопросы структурной лингвистики мы предполагаем рассмотреть в отдельной статье.

2. Предмет структурной лингвистики

Все лингвистические единицы — будь то морфемы, слова или предложения — представляют собой знаки. По определению Ф. де Соссюра, всякий знак есть элемент, имеющий две стороны: означающее и означаемое. Например, в слове *стол* звуковая сторона [stol] есть означающее, а смысловая сторона — значение «стол» — есть означаемое.

Именно в анализе знаковой, или иначе — семиологической, природы лингвистических единиц Ф. де Соссюр увидел ключ к познанию специфики языка. Он писал: «...лингвистическая проблема есть прежде всего проблема семиологическая; и весь ход наших рассуждений получает свой смысл от этого основного положения»⁴.

¹ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 7, 1939.

В работе Н. С. Трубецкого отсутствует раздел, посвященный исторической фонологии, принципы которой сформулировал впервые Р. Якобсон (см. R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931, стр. 247 и сл.). Для современного этапа в развитии фонологических идей пражской школы наиболее существенны следующие работы: R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis, 3-d printing, Cambridge, Mass., 1955; R. Jakobson and M. Halle, Fundamentals of language, s-Gravenhage, 1956; A. Martinet, Phonology as functional phonetics, London, 1950; е р о ж о в, Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique, Berne, 1955.

² L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlæggelse, København, 1943. (Есть английский перевод: L. Hjelmslev, Prolegomena to a theory of language, Memoir 7 of the International journal of American linguistics, suppl. to vol. 19, № 1), Baltimore, 1953.

³ Z. S. Harris, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951.

⁴ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 41.

Основной принцип, характеризующий функционирование лингвистических единиц, можно сформулировать так: разным означаемым должны соответствовать разные означающие и — наоборот — разным означающим должны соответствовать разные означаемые. «Языковая система, — писал Ф. де Соссюр, — есть ряд различий в звуках, комбинированный с рядом различий в идеях;... основным свойством языковой организации является именно сохранение параллелизма между этими двумя рядами различий»¹. Ф. де Соссюр подчеркивал, что в этом отношении очень характерны диахронические факты. «Когда в результате фонетических изменений два термина смешиваются (например, *décépité* = *décépitus* и *décépi* = *crispus*), то и идеи обнаруживают тенденцию смешиваться, если только к этому есть благоприятствующие данные. А если термин дифференцируется (например, французское *chaise* „стул“ и *chaire* „кафедра“)? В таком случае возникшее различие неминуемо проявляется тенденцией стать значимым, что, впрочем, удается не всегда и не сразу. Обратно, всякое различие в идее, усмотренное мыслью, стремится выразиться различными означающими, а две идеи, мыслью более не различаемые, стремятся слиться в едином означающем»².

Указанный принцип Л. Ельмслев назвал принципом коммутации³. Этот принцип имеет прямое отношение к понятиям тождеств и различий в языкознании. О значении тождеств и различий для языка Ф. де Соссюр писал следующее: «Весь лингвистический механизм вращается исключительно вокруг тождеств и различий, причем эти последние только обратная сторона первых. Поэтому проблема тождеств возникает повсюду»⁴.

Рассмотрим связь принципа коммутации с проблемой тождеств.

Возьмем немецкое слово *blau*. В немецком языке оно может в одной ситуации соответствовать русскому слову *голубой*, а в другой — русскому слову *синий*. Но *blau* в смысле «голубой» и *blau* в смысле «синий» — это не разные слова, а варианты одного и того же слова. Почему? А потому, что в немецком языке безсловомно различию значениями «голубой» и «синий» не соответствует никаких звуковых различий: в обоих случаях употребляется одно и то же означающее [blau]. В русском же языке *голубой* и *синий* — разные слова, потому что здесь разным значениям «голубой» и «синий» соответствуют разные звуковые комплексы, служащие разными означающими. Все дело в принципе коммутации; именно с точки зрения этого принципа значения «голубой» и «синий» принадлежат разным лингвистическим единицам в русском языке и совпадают в одной и той же лингвистической единице в немецком языке.

Возьмем теперь пример из грамматики. Морфема *-а* в русском слове *жена* может в одной ситуации иметь значение именительного падежа, а в другой — значение звательного. Но морфема *-а* в смысле именительного падежа и морфема *-а* в смысле звательного падежа — это не разные морфемы, а варианты одной и той же морфемы, потому что различию между обоими грамматическими значениями не соответствуют звуковые различия: в том и другом случае употребляется одно и то же означающее [a]. Иначе обстоит дело в польском языке. Здесь русскому слову *жена* соответствует в именительном падеже *żona*, а в звательном — *żono*. Мы видим, что в нашем примере на основании принципа коммутации значения именительного и звательного падежа совпадают в одной и той же

¹ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 119.

² Там же.

³ См. Л. Н е л м с л е в, указ. соч., стр. 66.

⁴ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 109.

морфеме *-a* в русском языке и принадлежат разным морфемам *-a* и *-o* — в польском.

Анализ проблемы тождества лингвистических единиц приводит нас к следующему выводу. Значения лингвистических единиц, взятые сами по себе, т. е. рассматриваемые с семантической точки зрения, представляют собой нечто внешнее по отношению к языку. Так, например, если взять значения «голубой» и «синий» сами по себе, то разница между ними должна считаться одинаково существенной для всех языков мира; поэтому эти значения сами по себе не могут рассматриваться как специфические элементы того или иного языка. Дело, однако, в корне меняется, если стать на семиологическую точку зрения, т. е. — на точку зрения принципа коммутации. С точки зрения принципа коммутации разница между значениями «голубой» и «синий» существенна, например, для русского языка и не существенна для немецкого; разница между значениями именительного и звательного падежа существенна для польского языка и не существенна для русского. Суть дела в том, что значения лингвистических единиц могут считаться специфическими элементами языка только как элементы соотношений. Для значений как специфических элементов языка характерно то, что они не предустановлены логически, а, говоря словами Ф. де Соссюра, «чисто дифференциальны, т. е. определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими элементами системы. Характеризуются они в основном именно тем, что они — не то, что другие»¹. Таким образом, значения лингвистических единиц обладают двояким аспектом: семантическим и лингвистическим. Оба эти аспекта не сводимы друг к другу.

Рассмотрим теперь проблему тождеств применительно к звукам языка.

Звуки языка представляют собой кратчайшие элементы, на которые распадаются означающие в лингвистических единицах. Спрашивается: на каком основании данные звуки должны считаться тождественными или различными? Почему, например, начальные согласные в словах *карандаш* и *газета*, т. е. [k] и [g], есть разные звуки, а гласные в словах *цех* и *шесть*, т. е. [ɛ] и [e], представляют собой разновидности одного и того же звука?

Если рассматривать звуки языка просто как физическое явление, то ответ на поставленный вопрос должен заключаться в ссылке на физические критерии. С физической точки зрения [k] и [g] должны считаться разными звуками, потому что они резко отличаются друг от друга, а [ɛ] и [e] должны рассматриваться как разновидности одного и того же звука, потому что они сходны друг с другом. Однако ссылка на физические критерии приводит к противоречиям, которые доказывают ее несостоятельность. Допустим, что [k] и [g] в русском языке представляют собой разные звуки, потому что они резко отличаются друг от друга. Если этот ответ правилен, то [k] и [g] должны считаться разными звуками во всех языках мира. Но, как известно, в голландском языке [k] и [g] рассматриваются не как разные звуки, а как разновидности одного и того же звука². Точно так же, если допустить, что гласные [ɛ] и [e] в русском языке представляют собой разновидности одного и того же звука на основании своего физического сходства, то окажется непонятным, почему такие же гласные [ɛ] и [e] считаются разными звуками во французском языке.

Для того чтобы устранить противоречия, к которым неизбежно приводит ссылка на физические критерии, необходимо отказаться от рассмотрения звуков языка как физического явления. Чтобы правильно решить

¹ Там же, стр. 116.

² См. D. J o n e s, *The Phoneme: its nature and use*, Cambridge, 1950, стр. 20.

проблему тождества звуков языка, следует подойти к ним как к семиологическому явлению. Ключ к решению проблемы заключается в принципе коммутации. Если, согласно принципу коммутации, разным означающим должны соответствовать разные означаемые, то ясно, что и разным звукам языка, как кратчайшим элементам означающих, должны соответствовать разные означаемые. С этой точки зрения становятся понятными приведенные выше факты. Так, в русском языке звуки [k] и [g] представляют собой разные звуки не в силу своих физических особенностей, а на том основании, что различия между этими звуками сопровождаются различиями между значениями лингвистических единиц (ср., например, противопоставление *колос* — *голос*). Что же касается голландского языка, то здесь звуки [k] и [g] не могут считаться разными, потому что различие между этими звуками не сопровождается различиями между значениями лингвистических единиц, в голландском языке различие между [k] и [g] целиком зависит от позиционных условий: [g] встречается только перед звонкими согласными, а [k] — в остальных позициях. Точно так же и гласные [ɛ] и [e] представляют собой разные звуки во французском языке, потому что в этом языке различие между данными звуками сопровождается различиями между значениями лингвистических единиц; в русском же языке гласные [ɛ] и [e] — одинаковые звуки, так как здесь разница между этими звуками целиком зависит от позиционных условий¹.

Анализ проблемы тождества звуков языка приводит нас к выводу, аналогичному с тем, к которому мы пришли в результате анализа проблемы тождества лингвистических единиц. Звуки языка, взятые сами по себе, т. е. рассматриваемые с физической точки зрения, представляют собой нечто внешнее по отношению к языку. Звуки могут считаться специфическими элементами языка только как элементы соотношений, подчиненных принципу коммутации. Каждый звук как специфический элемент языка «характеризуется не свойственным ему положительным качеством, как можно было бы предположить, но исключительно тем, что он не смешивается с другими»².

Таким образом, звуки языка обладают двояким аспектом: физическим и лингвистическим. Оба эти аспекта так же не сводимы друг к другу, как не сводимы друг к другу семантический и лингвистический аспект значений лингвистических единиц.

Подведем итог анализу проблемы тождеств. Мы видели, что эта проблема неизбежно приводит нас к различению двоякого аспекта у значений и звуков в языке: лингвистического и пелингвистического (семантического и физического). Значения и звуки, взятые сами по себе, представляют собой нечто внешнее по отношению к языку и принадлежат ему только в их лингвистическом аспекте, т. е. как элементы соотношений. Для того чтобы противопоставить значения и звуки языка как элементы соотношений значениям и звукам самим по себе, Ф. де Соссюр ввел в науку о языке термин «ценность» («valeur»). Он называл значения и звуки языка как элементы соотношений лингвистическими ценностями.

Имея в виду решающую роль отношений в языке, Ф. де Соссюр писал: «в каждом данном состоянии языка все покоится на отношениях»³. Считая спецификой языка сеть отношений между звуками и значениями,

¹ Различия между звуками языка, сопровождающиеся различиями между значениями лингвистических единиц, принято называть дифференциальными признаками звуков языка.

² Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 118.

³ Там же, стр. 121. Наряду с термином «отношение» в качестве его синонима Ф. де Соссюр употреблял термин «противопоставление».

оформляющую звуковую и семантическую субстанцию, он выдвинул тезис: «язык есть форма, а не субстанция»¹.

Именно понятие отношения, введенное Ф. де Соссюром в науку о языке, произвело революцию в традиционном языкознании. Стало ясно, что истинным предметом языкознания должны быть не звуки и значения сами по себе, а сеть отношений между звуками и значениями.

Прежде всего переворот произошел в области изучения звуков языка. Так как традиционная фонетика сводилась к акустике и физиологии звуков языка, то в силу необходимости изучать звуки языка как элементы соотношений возникла новая дисциплина — фонология. Фонология стала рассматриваться как собственно лингвистическая дисциплина, занимающаяся изучением звуковой стороны языка; фонетика же заняла положение дисциплины вспомогательной по отношению к фонологии. В связи с возникновением фонологии за звуками языка, рассматриваемыми как элементы соотношений, закрепился термин «фолема».

Далее, коренному преобразованию подверглась традиционная грамматика. Существенный недостаток традиционной грамматики состоит в том, что она смешивает лингвистический и семантический аспект значений лингвистических единиц. Поэтому потребовалось преобразовать традиционную грамматику таким образом, чтобы она занималась своим истинным предметом — лингвистическим аспектом значений лингвистических единиц, т. е. значениями лингвистических единиц как элементами соотношений. Новую грамматику, имеющую своим предметом лингвистический аспект значений лингвистических единиц, стали противопоставлять с е м а н т и к е, задача которой состоит в исследовании семантического аспекта значений лингвистических единиц. Семантика так относится к грамматике, как фонетика — к фонологии².

Новая грамматика противопоставляется традиционной грамматике не только своей принципиальной установкой на изучение значений лингвистических единиц лишь как элементов соотношений, но и по своему объему. Последний соответствует объему традиционной грамматики и лексикологии, взятых вместе. Доказывая необходимость включения лексикологии в грамматику, Ф. де Соссюр писал: «...логично ли исключать лексикологию из грамматики? На первый взгляд может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, каковое обычно сосредоточивают на отношениях между отдельными единицами. Но сразу же мы замечаем, что множество этих отношений может быть выражено с таким же успехом словами, как и грамматическими средствами»³.

Наконец, новая грамматика отвергает деление на морфологию и синтаксис, принятое в традиционной грамматике. Как показал Ф. де Соссюр, лингвистические единицы вступают друг с другом в двойные отношения: синтагматические и парадигматические⁴. Поэтому, согласно Ф. де Соссюру, грамматика должна разделяться не на морфологию и синтаксис, а на теорию синтагм и теорию парадигм (теорию ассоциаций, по терминологии Ф. де Соссюра). «Все, в чем выражено данное состояние языка,—

¹ Там же, стр. 120.

² Ср. L. Hjelmslev, Über die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft (Teil I), «Archiv für vergleichende Phonetik», Bd. II, Heft 3, Berlin, 1938, стр. 132 и сл.

³ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 130.

⁴ Термин «парадигматические отношения» ввел в науку о языке Л. Ельмслев (см. L. Hjelmslev, Essai d'une théorie des morphèmes, «Actes du Quatrième Congrès international de linguistes», Copenhagen, 1938, стр. 140). Сам же Ф. де Соссюр пользовался термином «ассоциативные отношения».

писал Ф. де Соссюр, — надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций»¹.

Фонология и новая грамматика являются отделами лингвистической теории, имеющей своим предметом сеть отношений между звуками и значениями языка. Эта теория называется структурной лингвистикой, так как за сетью отношений между звуками и значениями языка закрепился термин «структура языка». Для того чтобы отличить от традиционной грамматики новую грамматику как отдел структурной лингвистики, ее стали называть структурной грамматикой.

Структурная лингвистика составляет ядро науки о языке. Фонетика входит в науку о языке как дисциплина, вспомогательная для фонологии, а семантика — как дисциплина, вспомогательная для структурной грамматики.

3. Метод структурной лингвистики

Как известно, с точки зрения соотношения индукции и дедукции все естественные и общественные науки по своему методу разделяются на науки, в которых преобладает индуктивный анализ, и науки, в которых преобладает дедуктивный анализ. Например, в таких науках, как ботаника или зоология, преобладает первый, тогда как в физике господствует второй.

С точки зрения соотношения индукции и дедукции можно рассматривать не только науки в их современном состоянии, но и разные этапы развития одной и той же науки. Как показывает история наук, для низших этапов развития науки характерен индуктивизм, тогда как на более высоких этапах ее развития господствует дедуктивный анализ. Например, аристотелевская физика была чисто индуктивной. Революция, произведенная в физике Галилеем, труды которого открыли новую эру в истории этой науки, была связана с тем, что физика была превращена из науки чисто индуктивной в науку преимущественно дедуктивную².

Метод структурной лингвистики как нового этапа в истории науки о языке характеризуется господством дедуктивного анализа в противоположность индуктивизму традиционного языкознания.

Дедуктивный анализ представляет собой орудие объединения отдельных положений науки в логическую систему. Как известно, существуют определенные методологические принципы, которым должно подчиняться построение всякой научной теории как логической системы. На некоторых из этих принципов мы сейчас остановимся применительно к структурной лингвистике. Будут рассмотрены следующие принципы построения научной теории как логической системы: принцип гомогенности, принцип консеквентности и принцип унификации.

Принцип гомогенности можно формулировать так: всякая теория, объясняя одни факты другими, должна оперировать только такими фактами, которые носят гомогенный характер с точки зрения ее предмета; в рамках данной теории научное объяснение не может строиться на фактах, лежащих за пределами ее предмета.

Для того чтобы видеть, как применяется принцип гомогенности в структурной лингвистике, остановимся на статье Е. Куриловича «Сущность передвижения согласных»³.

¹ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 131.

² Ср. А. Эйнштейн и Л. Инфельд, *Эволюция физики*, перевод с англ., М.—Л., 1948, стр. 30—32.

³ J. Kuryłowicz, *Le sens des mutations consonantiques*, «Lingua», vol. I, 1, Haarlem, 1948.

В своей работе Е. Курилович поставил перед собой задачу — выявить причину передвижения согласных в армянском и германских языках. Определяя путь, по которому следует идти в поисках причины передвижения согласных, Е. Курилович пишет: «Некоторые лингвисты ищут эту причину в разнице, которая должна была иметь место между артикуляционной базой индоевропейцев и артикуляционной базой догерманского субстрата. Это объяснение не есть лингвистическое объяснение, и поэтому вопрос о его правильности или неправильности не интересует лингвиста. Подлинно лингвистическое объяснение передвижения согласных должно состоять в том, чтобы свести это явление к более простым явлениям первоначальной фонологической системы, например, к совпадению двух фонем в одной фонеме, к исчезновению фонем и т. п.»¹.

Тезис Е. Куриловича о том, что анализ разницы между артикуляционной базой индоевропейцев и артикуляционной базой догерманского субстрата не может рассматриваться как лингвистическое объяснение передвижения согласных, представляет собой необходимый дедуктивный вывод из определения предмета фонологии. Так как предметом фонологии служит изучение звуков языка как элементов соотношений, то отсюда неизбежно следует, что физиологические факты и связанные с ними факты теории субстрата являются гетерогенными по отношению к предмету фонологии и что поэтому лингвистическое объяснение передвижения согласных не может строиться на этих фактах.

Рассмотрим теперь результаты, к которым пришел Е. Курилович.

Сущность передвижения согласных в армянском и германских языках сводилась к фонологическому изменению, которое заключалось в том, что в противопоставлениях глухих и звонких согласных [p]—[b], [t]—[d], [k]—[g] дифференциальными признаками стали служить напряженное и ненапряженное произношение вместо прежних глухости и звонкости. В этом фонологическом изменении поразительным является то, что само по себе оно не было связано с физическими изменениям противопоставляемых согласных: оглушение звонких смычных, превращение глухих смычных в щелевые и, частично, в аффрикаты — все эти факты представляли собой всего лишь манифестацию, т. е. внешние проявления передвижения согласных. Строго разграничив, таким образом, передвижение согласных и его манифестацию, Е. Курилович нашел, что лингвистическая причина передвижения согласных заключалась в расширении сферы употребления звонких смычных согласных за счет глухих смычных согласных в результате нейтрализации противопоставления глухих и звонких смычных в позиции после фонемы [s].

Спрашивается: почему расширение сферы употребления звонких смычных за счет глухих было причиной передвижения согласных? Суть дела в следующем. Противопоставление глухих и звонких смычных в армянском и германских языках принадлежало к так называемым привативным противопоставлениям. Привативным называется такое противопоставление, один член которого характеризуется положительным дифференциальным признаком, а другой — отрицательным. Как показал Е. Курилович, привативные противопоставления фонем подчиняются следующему закону: чем уже сфера употребления фонемы, тем богаче ее содержание; чем шире сфера употребления фонемы, тем беднее ее содержание. Под содержанием фонемы имеется в виду совокупность ее дифференциальных признаков. Так как отрицательный дифференциальный признак есть не что иное как отсутствие положительного дифференци-

¹ Там же, стр. 80.

ального признака, то содержание фонемы, имеющей положительный дифференциальный признак, богаче содержания фонемы, обладающей отрицательным дифференциальным признаком.

Взглянем теперь на передвижение согласных с точки зрения только что приведенного закона. До передвижения согласных звонкие смычные имели менее широкую сферу употребления, чем глухие смычные, поэтому звонкость служила положительным дифференциальным признаком, а глухость — отрицательным. Однако в силу нейтрализации противопоставления глухих и звонких смычных в позиции после фонемы [s], сфера употребления звонких смычных расширилась, а сфера употребления глухих сузилась. Таким образом, возникло положение, при котором обладать положительным дифференциальным признаком должны были уже не звонкие, а глухие согласные. Но глухость в силу того, что она является просто отсутствием звонкости, не может быть положительным дифференциальным признаком. Поэтому роль положительного дифференциального признака перешла к напряженному произношению, а роль отрицательного — к ненапряженному. В результате глухость и звонкость потеряли фонологическое значение, т. е. вообще перестали служить дифференциальными признаками, тогда как напряженное и ненапряженное произношение, бывшие прежде несущественными элементами смычных фонем, перешли в ранг дифференциальных признаков. Передвижение согласных имело место три раза в германских языках (в доисторическую эпоху, в древневерхненемецком и в датском языке) и дважды в армянском языке, но во всех случаях оно происходило при аналогичных условиях.

Таковы в самом общем виде результаты исследования Е. Куриловича. Подводя итоги, он пишет: «Лингвистические факты надо объяснять не гетерогенными фактами, а только лингвистическими фактами. Лингвистические факты, подлежащие объяснению, надо сводить к простейшим или, по крайней мере, к более простым лингвистическим фактам»¹.

Исследование Е. Куриловича очень поучительно. Оно показывает, как строго применение принципа гомогенности позволяет раскрыть подлинно лингвистические, внутренние причины изменений в языке².

Перейдем к принципу консеквентности. Этот принцип можно формулировать так: в рамках данной теории невозможно допускать логические противоречия, поэтому, приняв те или иные положения теории за истинные, мы обязаны считать истинными и все вытекающие из данных положений следствия независимо от того, подтверждаются ли эти следствия эмпирическими фактами или нет. С принципом консеквентности связано применение мысленных экспериментов. Мысленным экспериментом называется дедуктивный прием, состоящий в том, что из положений, признаваемых истинными, мы выводим следствия, которые, хотя и не подтверждаются эмпирическими фактами, являются принципиально возможными.

Мысленные эксперименты имеют важное значение. Они позволяют

¹ J. Kuryłowicz, указ. статья, стр. 84.

² Рассмотренную выше работу Е. Куриловича подверг подробному критическому разбору польский лингвист Л. Заброцкий (см. L. Zabrocki [Рец на статью:] J. Kuryłowicz, Le sens des mutations consonantiques... — «Lingua posnaniensis», т. III, 1951), который резко отрицательно оценивает метод и результаты исследования Е. Куриловича. Это объясняется тем, что Л. Заброцкий игнорирует принцип гомогенности, представляющий собой один из краеугольных камней метода точных наук и, в частности, метода структурной лингвистики.

исследователю устранять путем абстракции внешнюю видимость явлений и проникать в их сущность.

Применение принципа консеквентности и связанных с ним мысленных экспериментов в структурной лингвистике можно иллюстрировать на примере анализа сущности просодем в работе А. Мартинэ «Фонология как функциональная фонетика»¹.

К просодемам относятся ударение и тон. А. Мартинэ рассматривает следующую проблему: можно ли считать физическую природу ударения и тона существенным свойством просодем? На этот вопрос он дает отрицательный ответ: нет, физическая природа ударения и тона не может считаться существенным свойством просодем; с физической точки зрения не может быть никакой принципиальной разницы между дифференциальными признаками фонем и просодемами.

Этот парадоксальный тезис А. Мартинэ доказывает при помощи следующего мысленного эксперимента. Представим себе язык, в котором возможны были бы только слоги типа [pa] или [ba], т. е. полностью носовые или полностью неносовые слоги. Если допустить при этом, что в данном языке каждое слово может иметь только один носовой слог, то окажется, что функция носового произношения будет принципиально тождественна функции ударения в таких языках, как, скажем, русский, английский или немецкий. Таким образом, в нашем гипотетическом языке носовое произношение слогов должно рассматриваться не как дифференциальный признак соответствующих согласных или гласных фонем, а как просодема. Выходит, что принципиальное различие между дифференциальными признаками фонем и просодемами нельзя искать в физических особенностях тех и других. Принципиально вполне допустимо, чтобы одно и то же акустическое свойство, скажем, носовое произношение, в одних языках играло роль дифференциального признака фонем, а в других — роль просодемы. Как указывает А. Мартинэ, единственная существенная разница между дифференциальным признаком фонемы и просодемой заключается в том, что первый служит для характеристики фонемы, а вторая надстраивается над словом для противопоставления одного слога данного слова другому.

Петрудно видеть связь мысленного эксперимента А. Мартинэ с принципом консеквентности. Исходной базой для мысленного эксперимента послужил тезис о семиологической природе просодем. Если мы признаем этот тезис истинным, то, чтобы не допустить в фонологической теории логического противоречия, мы обязаны принять за истинные и все следствия, вытекающие из этого тезиса, независимо от того, подтверждаются ли они эмпирическими фактами или нет. Мысленный эксперимент позволил А. Мартинэ устранить путем абстракции внешнюю сторону просодем и раскрыть их подлинно лингвистическую природу.

Рассмотрим теперь принцип унификации. Его можно формулировать так: всякая теория должна стремиться к объединению отдельных областей своего предмета на основе единых принципов. В связи с принципом унификации находится понятие изоморфизма. Для того чтобы объединить отдельные области той или иной науки, необходимо установить, что этим областям присущ изоморфизм, т. е. наличие общих закономерностей.

Принцип унификации и связанное с ним понятие изоморфизма применимы не только в таких науках, как физика, но и в структурной лингвистике, потому что в основе функционирования единиц фонологической системы и единиц грамматической системы языка лежат однородные от-

¹ См. А. Martinet, *Phonology as functional phonetics*, London, 1950, стр. 11.

ношения как на синтагматической, так и на парадигматической оси. Анализ этих отношений позволяет раскрыть законы изоморфизма, связывающие фонологическую и грамматическую системы языка.

Рассмотрим один из законов изоморфизма, установленный Е. Куриловичем. Для этого вернемся к закону соотношения сферы употребления и содержания фонем, на котором мы останавливались в связи с работой Е. Куриловича, посвященной передвижению согласных. Этот закон относится к привативным противопоставлениям фонем. Спрашивается: в каком отношении друг к другу находятся члены привативных противопоставлений фонем? Возьмем, например, привативное противопоставление [p]—[b] в русском языке. Сфера употребления фонемы [p] шире сферы употребления фонемы [b], поэтому [b] обладает положительным дифференциальным признаком и ее содержание может быть выражено формулой: фонема [p] + звонкость. Отсюда ясно, что фонема [b] мотивирована фонемой [p]; иными словами, содержание фонемы [b] определяется на основе содержания фонемы [p], тогда как содержание фонемы [p] не зависит от содержания фонемы [b]. Но такого же рода привативные противопоставления представляет нам деривация в грамматической системе языка. Возьмем, например, слово *волк* и его производное *волчица*. Эти слова представляют собой члены грамматического привативного противопоставления. Сфера употребления слова *волк* шире сферы употребления слова *волчица*, потому что *волчица* обозначает всегда только женский род, тогда как *волк* может употребляться не только в смысле мужского рода, но и неопределенно, в смысле мужского или женского рода. Так как сфера употребления слова *волчица* уже сферы употребления слова *волк*, то содержание первого слова богаче содержания второго: женский род слова *волчица* должен рассматриваться как его положительный дифференциальный признак. Таким образом, оба члена данного грамматического привативного противопоставления находятся в таком же отношении друг к другу, как и члены только что рассмотренного фонологического привативного противопоставления. Слово *волчица* мотивировано словом *волк*; это значит, что содержание слова *волчица* определяется на основе содержания слова *волк*, тогда как содержание слова *волк* не зависит от содержания слова *волчица*. Ясно, что в отношении единиц грамматической системы языка действует закон, аналогичный закону для единиц фонологической системы: чем уже сфера употребления единицы грамматической системы, тем богаче ее содержание; чем шире сфера употребления единицы грамматической системы, тем беднее ее содержание.

На основании сравнения обоих законов Е. Курилович сформулировал один общий закон для фонологической и грамматической системы языка. Так как единицы фонологической системы и единицы грамматической системы представляют равнозначные знаки в широком смысле слова, то, подведя оба рода единиц под понятие знака, Е. Курилович дал следующую формулировку этого закона: чем уже сфера употребления знака, тем богаче его содержание; чем шире сфера употребления знака, тем беднее его содержание¹.

Только что указанный закон соотношения содержания и сферы употребления знаков имеет фундаментальное значение не только для синхронического изучения языка, но и для диахронического, так как диахрони-

¹ См. J. Kuryłowicz, *Linguistique et théorie de signe*, «Journal de psychologie», t. 41, № 2, Paris, 1949, стр. 172.

ческие процессы в значительной мере определяются действием этого закона, в чем мы уже убедились при анализе причины передвижения согласных.

Мы рассмотрели закон соотношения содержания и сферы употребления знаков в качестве конкретного примера применения понятия изоморфизма в структурной лингвистике¹. До сих пор речь шла о проблеме изоморфизма только в плане сравнения фонологической и грамматической системы языка. Но проблему изоморфизма можно поставить и в более широком плане. Дело в том, что наряду с языком существуют и другие системы знаков, с которыми его можно сравнивать. По этому поводу Ф. де Соссюр писал: «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно его можно сравнивать с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д., и т. п. Он только наименее важная из этих систем»². Так как язык представляет собой только одну из многих систем знаков, то Ф. де Соссюр указал на необходимость создать общую науку о знаках — семиологию, в которую должна быть включена лингвистика как ее органическая составная часть. «Лингвистика,— писал Ф. де Соссюр, — только часть этой общей науки; законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя таким образом окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни». И далее: «Если нам впервые удастся найти лингвистике место среди наук, это только потому, что мы связали ее с семиологией»³. Если рассматривать язык только как одну из семиологических систем, то проблема изоморфизма может быть поставлена уже в плане семиологии как общей теории семиологических систем: каковы общие закономерности у языка и остальных семиологических систем?

В плане семиологии язык можно сравнивать с такими простыми семиологическими системами, как, например, сигналы светофора на перекрестках улиц, телефонный диск, бой стенных и башенных часов, азбука Морзе⁴; далее язык можно сравнивать с семиологическими системами, которыми оперируют химия, математика и математическая логика. Сравнительное изучение языка и разных других семиологических систем позволит, с одной стороны, глубже проникнуть в сущность структуры языка, а с другой стороны, разработать в систематическом виде семиологию как общую науку о знаках.

В настоящее время намечаются следующие два основных направления изучения языка в плане семиологии.

Прежде всего следует сказать об изучении структуры языка в связи с так называемой теорией информации. Что представляет собой последняя? Ее предметом является изучение законов передачи сообщений; «теория информации, изучающая законы передачи и преобразования информации (сигналов), является основой кибернетики, изучающей общие принципы управления и связей в автоматических машинах и живых организмах»⁵. Занимаясь изучением передачи сообщений, теория информации

¹ Специально понятию изоморфизма посвящены две работы Е. Куриловича: J. Kurylowicz, La notion de l'isomorphisme, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague, vol. V, 1949; е го ж е, Linguistique et théorie de signe.

² Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 40.

³ Там же.

⁴ См. Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, «Acta linguistica», vol. VI, fasc. 2—3, Copenhague, 1950—1951, стр. 66.

⁵ С. Л. Соболев, А. И. Китов, А. А. Ляпунов, Основные черты кибернетики, ВФ, 1955, № 4, стр. 137. О теории информации и кибернетике см. также статью Э. Колмана «Что такое кибернетика?», помещенную в том же номере указанного журнала.

имеет тем самым дело с семиологическими системами, и поэтому принципы этой теории могут быть применены к изучению структуры языка. Хотя в этом направлении сделаны только первые шаги, но уже получены интересные результаты. Среди работ, посвященных применению теории информации к изучению структуры языка, привлекает внимание, например, фонологическое исследование русского языка, выполненное Э. Черри, М. Галле и Р. Якобсоном¹.

В плане семиологии важен также контакт структурной лингвистики с новой дисциплиной — логистической грамматикой, разработанной представителями математической логики². Предметом логистической грамматики является систематическое сравнение обычного языка с семиологическими системами, которыми оперирует математическая логика. Необходимость разработки логистической грамматики была вызвана тем, что представители математической логики, критикуя традиционную аристотелевскую логику, были вынуждены обратиться к углубленному анализу языка, так как недостатки аристотелевской логики были во многом обусловлены не критическим отношением Аристотеля и его последователей к грамматическим формам языка³. Логистическая грамматика возникла независимо от структурной лингвистики. Однако сравнение обычного языка с семиологическими системами, которыми оперирует математическая логика, не может в настоящее время вестись без учета достижений структурной лингвистики. С другой стороны, и сами структуралисты, если они хотят глубже познать структуру языка, должны воспользоваться достижениями логистической грамматики. Следует подчеркнуть, что контакт структурной лингвистики с логистической грамматикой имеет решающее значение для разработки проблемы соотношения языка и мышления, поскольку раскрыть законы этого соотношения возможно прежде всего на базе сравнения обычного языка с такими уточненными орудиями современного научного мышления, какими служат семиологические системы математической логики наших дней.

Логистическая грамматика — это та область, где встречаются структурная лингвистика и математическая логика. Однако их контакт этим не исчерпывается. Нужно указать еще, что поскольку предметом структурной лингвистики служит изучение звуков и значений языка как элементов соотношений, структурная лингвистика нуждается в услугах теории отношений, являющейся, как известно, одним из важнейших отделов современной математической логики. Таким образом, теория отношений математической логики является для структуралиста одним из важнейших орудий исследования структуры языка.

4. О школах в структурной лингвистике

Как было сказано, в структурной лингвистике следует различать три школы: пражскую, копенгагенскую и американскую. В рамках настоящей статьи, носящей общий характер, мы не будем излагать содержание учений этих школ. Речь будет идти только о том, чтобы определить принципиальную позицию каждой из них.

¹ E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, 'Toward the logical description of languages in their phonemic aspect', «Language», vol. 29, № 1, 1953.

² Математическую логику называют также символической логикой, а иногда — логистикой.

³ Систематическое изложение результатов исследований в области логистической грамматики дал впервые видный представитель современной математической логики Г. Рейхенбах (см. H. Reichenbach, Elements of symbolic logic, New York, 1948, стр. 251—354).

Для определения принципиальной позиции каждой школы решающее значение имеет выяснение их отношения к проблеме лингвистических критериев.

Все школы сходятся на том, что предметом структурной лингвистики должно быть изучение звуков и значений языка как элементов соотношений и что в связи с этим следует строго разграничивать и не смешивать друг с другом лингвистический и нелингвистический аспекты звуков и значений языка. Однако появляются трудности, когда возникает вопрос: каковы должны быть конкретные критерии определения лингвистического аспекта звуков и значений языка? В решении этого вопроса существует принципиальное расхождение между копенгагенской и американской школами, с одной стороны, и пражской школой — с другой. Что касается различий между копенгагенской и американской школой, то они не имеют принципиального значения и сводятся, как мы увидим ниже, к моментам терминологического порядка.

Для того чтобы определить принципиальную позицию каждой школы, целесообразно начать с противопоставления копенгагенской и пражской школ.

Копенгагенская школа пользуется термином «форма» для обозначения лингвистического аспекта звуков и значений языка и термином «субстанция» для обозначения их нелингвистического аспекта. Изучение формы звуков и значений должно состоять в исчерпывающей регистрации дистрибутивных отношений единиц фонологической и грамматической системы. Все, что выходит за рамки дистрибутивных отношений, относится, согласно копенгагенской школе, к субстанции языка и, стало быть, лежит за пределами предмета структурной лингвистики.

В противоположность копенгагенской школе пражская считает, что дистрибутивные отношения не могут быть единственными критериями определения лингвистического аспекта звуков и значений языка. Представители этой школы настаивают на том, что, кроме дистрибутивных отношений, существуют и другие критерии определения лингвистического аспекта звуков и значений языка. Возьмем, например, фонему [k] в испанском языке. С точки зрения копенгагенской школы для определения этой фонемы достаточно выяснить, в какие отношения с другими фонемами она вступает на синтаксической оси. Пражская школа идет дальше. Для представителя этой школы важно также выяснить дифференциальные признаки данной фонемы путем анализа ее противопоставлений другим фонемам на парадигматической оси. Фонема [k] в испанском языке обладает следующими дифференциальными признаками: заднеязычностью (ср. противопоставление [k]—[t]); глухостью (ср. противопоставление [k]—[g]); смычностью (ср. противопоставление [k]—[x]). Сравнивая испанскую фонему [k] с французской фонемой [k], представитель пражской школы устанавливает, что эти фонемы, несмотря на свое физическое сходство, не тождественны в лингвистическом отношении, так как имеют неодинаковое количество дифференциальных признаков: у французской фонемы [k] смычность не есть дифференциальный признак, потому что противопоставление [k]—[x] отсутствует во французском языке.

Копенгагенская школа отвергает анализ дифференциальных признаков звуков языка, считая, что применять этот анализ — значит заниматься субстанцией фонем, т. е. их акустическими свойствами, которые не могут быть предметом структурной лингвистики.

Рассмотрим более подробно точку зрения копенгагенской школы.

Прежде всего остановимся на вопросе: можно ли отождествлять анализ дифференциальных признаков с анализом акустических свойств фонем? Вернемся к фонеме [k] в испанском языке и фонеме [k] во французском.

Анализируя дифференциальные признаки этих фонем, мы употребляли фонетические термины «заднеязычность», «глухость», «смычность». Но и эти термины мы вкладывали принципиально новое содержание. Возьмем, например, термин «заднеязычность». Фонологическая заднеязычность принципиально отличается от фонетической. Если бы в испанском и французском языках отсутствовали фонемы [t] и [p], то фонема [k] в испанском языке и фонема [k] во французском перестали бы рассматриваться как заднеязычные, потому что в этих языках не было бы противопоставлений [k]—[t] и [k]—[p]. Выше уже было показано, что фонема [k] является смычной в испанском языке, во французском же смычность не является дифференциальным признаком фонемы [k]. Ясно, что дифференциальные признаки — это вовсе не акустические свойства, а такие же семиологические элементы, как и сами фонемы. Для обозначения дифференциальных признаков фонология пользуется теми же самыми терминами, какими обозначаются акустические свойства звуков в фонетике. Но терминологическое тождество не должно вводить нас в заблуждение: дифференциальные признаки — это семиологические, а стало быть, реляционные элементы фонем, тогда как акустические свойства есть физические элементы звуков.

Таким образом, тезис копенгагенской школы о том, что заниматься дифференциальными признаками фонем — это значит подменять лингвистические критерии определения фонем физическими, нельзя считать правильным. Дифференциальные признаки как семиологические элементы фонем принадлежат предмету структурной лингвистики.

Признавая дифференциальные признаки семиологическими элементами, можно, однако, поставить следующий вопрос: а нельзя ли при определении состава фонем того или иного конкретного языка обойтись без анализа дифференциальных признаков фонем и ограничиться одним только дистрибутивным анализом фонем? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Как показал американский лингвист В. Твудл в своей работе «Об определении фонемы»¹, невозможно решить проблему тождества фонем без анализа их дифференциальных признаков.

Необходимость анализа дифференциальных признаков ясно видна на следующем примере, приведенном Р. Якобсоном в работе, посвященной идентификации фонем². Возьмем противопоставление [sláva]—[sláv'x] «слава»—«славя». Без анализа дифференциальных признаков согласных [v], [v'] и гласных [a], [x] невозможно решить, сколько здесь фонем: являются ли только что перечисленные единицы четырьмя самостоятельными фонемами; или [v] и [v'] служат комбинаторными вариантами одной и той же согласной фонемы, обусловленными задним и передним произношением соседних гласных фонем [a] и [x]; или же, наконец, [v] и [v'] должны считаться самостоятельными фонемами, а [a] и [x] — вариантами одной и той же гласной фонемы, зависящими от твердости и мягкости соседних согласных фонем? Копенгагенская школа отвергает анализ дифференциальных признаков во имя применения строго лингвистических критериев в структурной лингвистике. Но суть дела в том, что применение строго лингвистических критериев невозможно без анализа дифференциальных признаков. Как правильно указывает Р. Якобсон, если отвергнуть анализ дифференциальных признаков, то определение тождества фонем будет опираться «на ненадежный критерий внешнего

¹ W. F. Twaddell, On defining the phoneme, Baltimore, 1935.

² R. Jakobson, On the identification of phonemic entities, «Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague», vol. V, 1949, стр. 212.

(физического или физиологического) „сходства”, или на еще более ненадежный критерий субъективного чувства „одинаковости»)»¹.

Итак, пражская школа настаивает на анализе дифференциальных признаков фонем. Это вовсе не значит, что дистрибутивный анализ фонем отвергается этой школой. Дистрибутивный анализ и анализ дифференциальных признаков фонем взаимно дополняют друг друга, так как первый относится к синтагматической оси функционирования фонем, а второй — к парадигматической оси. Парадигматическая ось опирается на синтагматическую ось, но в структурной лингвистике должны учитываться обе эти оси. Это относится не только к фонемам, но и к единицам грамматической системы. Как и в отношении фонем, лингвистические критерии определения грамматических единиц не могут быть сведены к дистрибутивному анализу: этот последний должен быть дополнен анализом на парадигматической оси.

Хотя пражская школа и признает необходимость дистрибутивного анализа, но до сих пор главное внимание она сосредоточивала на анализе соотношений единиц языка на парадигматической оси, тогда как копенгагенская школа, естественно, занималась только дистрибутивным анализом. Таким образом, результаты, полученные обеими школами, дополняют друг друга и должны рассматриваться в рамках единой целостной теории. В этом отношении характерно следующее высказывание Э. Фишер-Йоргенсен в работе, посвященной определению фонем: «Точка зрения, принятая в настоящей работе, а именно, что коммутация и идентификация должны быть связаны с субстанцией, если мы хотим, чтобы лингвистический анализ принес какую-нибудь пользу, — совместима с теорией Ельмслева в ее современной форме. Его „чисто формальный анализ” не предназначен служить предварительной лингвистической операцией, а представляет средство заключительной проверки результатов, полученных путем экспериментирования над субстанцией»².

Рассмотрим теперь позицию американской школы. Последователи Л. Блумфилда, как и представители копенгагенской школы, настаивают на том, что лингвистические критерии определения единиц фонологической и грамматической системы должны сводиться к дистрибутивному анализу. По своим принципиальным установкам американская школа вполне сходится с копенгагенской. Как указывает американский лингвист Э. Хауген, различия между обеими школами касаются не существа дела, а употребляемой терминологии. Сопоставляя американскую и копенгагенскую школы, Э. Хауген пишет: «Исключение фонетики как „долингвистики” Дж. Трейджером соответствует тому, что Ельмслев ставит субстанцию вне рамок лингвистики. Вынесение значения за пределы лингвистики Блумфилдом и многими его последователями соответствует тому месту, которое занимает у Ельмслева субстанция содержания»³. Сравнивая работу Л. Ельмслева «Основы теории языка» и работу З. Харриса «Методы структурной лингвистики», Э. Хауген отмечает принципиальное совпадение между взглядами обоих исследователей: «Оба отвергают деление грамматики на морфологию и синтаксис. Оба разрабатывают эксплицитные операции, позволяющие осуществлять сегментацию на непосредственно составляющие путем субституции. Оба стремятся

¹ R. Jakobson, указ. статья, стр. 212.

² E. Fischer-Forgensen, On the definition of phonemic categories on a distributional basis, «Acta linguistica», vol. VII, fasc. 1—2, Copenhagen, 1952, стр. 12, прим. 3.

³ E. Haugen, [Рец. на кн.:] L. Hjelmslev, Prolegomena to a theory of language..., — «International journal of American linguistics», vol. 20, № 3, Baltimore, 1954, стр. 250.

к описанию языка, которое бы удовлетворяло принципам максимальной простоты, полноты и консеквентности. Оба предлагают конструировать теоретически возможные тексты. Оба применяют чисто формальные критерии и интересуются не столько элементами, сколько отношениями между элементами. Оба располагают свои лингвистические описания в виде последовательных ступеней, образующих, по терминологии Ельмслева, иерархию. Главным препятствием к взаимопониманию служат терминологические различия (разрядка наша. — С. III.)»¹.

Итак, принципиальные позиции копенгагенской и американской школы совпадают между собой. Если, как мы видели выше, копенгагенская и пражская школа дополняют друг друга, то об отношении между американской и пражской школами надо сказать то же самое².

Подведем итог анализу взаимного отношения школ в структурной лингвистике. Копенгагенская и американская школа, с одной стороны, и пражская школа — с другой, занимаясь разными аспектами языка, не только не исключают друг друга, а, напротив, каждая вносит свой необходимый вклад в структурную лингвистику. Существующие школы не подрывают единства структурной лингвистики как целостной и последовательной теории языка. Дополняя друг друга, они обеспечивают успешное всестороннее развитие структурной лингвистики как нового этапа в истории науки о языке.

¹ E. H a u g e n, указ. соч., стр. 250–251.

² О взаимном отношении школ структурной лингвистики см. также: А. M a r t i n e t, Structural linguistics, сб. «Anthropology today», Chicago, 1953; Е. C o s e r i u, Forma y sustancia en los sonidos del lenguaje, Montevideo, 1954.